

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>

UDC 902.02/903.57
LBC T4(2)34/T4(2)44

Submitted: 01.02.2023
Accepted: 17.04.2023

NEW RESEARCH ON THE BESLAN KURGAN CATACOMB BURIAL MOUND

Dmitry S. Korobov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article publishes the results of archaeological excavations of five kurgans discovered using geophysical methods at the Beslan kurgan catacomb burial ground in the Republic of North Ossetia – Alania. Small-scale excavations in different parts of the vast Beslan necropolis make it possible to draw some conclusions. Firstly, the development of the necropolis proceeded in the east direction from the Zilgi settlement. Traces of an unfortified settlement were revealed 230 m from the eastern outskirts of the settlement which was identified by presence of several household pits. In this study, the eastern boundary of the settlement of Zilgi has demonstrably been traced at the time of its maximum expansion most likely dating back to the 3rd century AD. A total of 5 kurgans surrounded by small ditches and containing 6 burials were excavated. The earliest is the kurgan 878, which can be broadly dated back to the late 2nd and early 3rd century AD in terms of its construction design of the funerary structure. The kurgans 874 and 875 located on the eastern periphery of the necropolis can be dated back to the second or third quarter of the 4th century AD according to the characteristics of the strap set and obviously they reflect a period of maximum expansion of the burial area. In the second half of the 6th century AD, burials again occurred in the part of the necropolis adjacent to the fortress, as evidence by the kurgans 876 and 877 containing objects of that time. It is most likely that the population abandoned Zilgi fortified settlement in the 7th century AD, which is confirmed by both the known finds from the cultural layer of the monument, and the materials from the burial mounds published in this work. The reasons for this phenomenon have yet to be established; for the time being, it can be suggested that it might be connected both with environmental changes and with the military and political situation in the North-Eastern Caucasus at that time.

Key words: North Caucasus, Early Alanian culture, Early Middle Ages, catacomb from under kurgans, Great migration period.

Citation. Korobov D.S., Malashev V.Yu., 2023. Novye issledovaniya Beslanskogo kurgannogo katakombnogo mogil'nika [New Research on the Beslan Kurgan Catacomb Burial Mound]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 258-288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>

УДК 902.02/903.57
ББК Т4(2)34/Т4(2)44

Дата поступления статьи: 01.02.2023
Дата принятия статьи: 17.04.2023

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕСЛАНСКОГО КУРГАННОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА

Дмитрий Сергеевич Коробов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье публикуются результаты археологических раскопок пяти курганов, выявленных геофизическими методами на Бесланском курганном катакомбном могильнике (Республика Северная Осетия – Алания). Небольшие по объему раскопки в разных частях обширного Бесланского некрополя позволяют сделать ряд выводов. Развитие некрополя происходило от Зильгинского городища в восточном направлении. В 230 м от восточной окраины городища выявлены следы неукрепленного посада, который диагностируют несколько хозяйственных ям. Очевидно, нашими исследованиями прослежена восточная граница посада Зильгинского городища в момент его максимального расширения, скорее всего относящегося к III в. н.э. В общей сложности раскопано 5 курганов, окруженных ровиками и содержавших 6 погребений. Наиболее ранним является курган 878, который в широких рамках можно отнести ко второй половине II – первой половине III в. н.э. по особенностям конструкции погребального сооружения. Находящиеся на восточной периферии некрополя курганы 874 и 875 по предметам ременной гарнитуры могут датироваться второй – третьей четвертью IV в. н.э. и, очевидно, отражают период максимального расширения площади могильника. Во второй половине VI в. н.э. снова производятся захоронения в прилегающей к городищу части некрополя, что отражают курганы 876 и 877, содержавшие материалы этого времени. Представляется наиболее вероятным, что в VII в. н.э. население покидает Зильгинское городище. Это подтверждается как известными находками из культурного слоя памятника, так и публикуемыми в данной работе материалами из курганов. Причины этого явления еще предстоит установить; пока можно высказать предположение, что это могло быть связано как с экологическими изменениями, так и с военно-политической обстановкой на Северо-Восточном Кавказе в это время.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура раннего этапа, раннее Средневековье, подкурганные катакомбы, Великое переселение народов.

Цитирование. Коробов Д. С., Малашев В. Ю., 2023. Новые исследования Бесланского курганного катакомбного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 258–288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>

Бесланский курганный катакомбный могильник – один из наиболее известных погребальных памятников раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа II–IV вв. н.э. – является некрополем Зильгинского городища и расположен на северо-западной окраине г. Беслана Республики Северная Осетия – Алания. С 1988 по 2012 г. памятник исследовался Бесланским отрядом Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания под руководством Ф.С. Дзуцева, проводившим охранно-спасательные работы на территории карьера кирпичного завода в южной части могильника, а в 2011 г., при участии Северо-Осетинской экспедиции ИА РАН, – в зоне реконструкции федеральной трассы «Кавказ» [Дзуцев, Малашев, 2015; Малашев и др., 2015]. К 2020 г. – моменту проведения описываемых в данной публикации археологических раскопок – был накоплен огромный материал: раскопано около 850 погребальных комплексов аланской культуры III – конца IV в. н.э., а также более 20 захоронений эпохи бронзы, комплекс раннескиф-

ского времени и 6 погребений II в. до н.э. – I в. н.э.

Следует отметить, что большая часть исследованных захоронений некрополя происходит с одного участка и датируется в узких рамках около середины III в. н.э. Это центральная часть южной окраины Бесланского могильника, разрабатывавшаяся карьером, что прекрасно видно на снимке (от 03.04.2017 г.), полученном посредством космического аппарата WorldView-3 с пространственным разрешением 35 см в одном пикселе изображения (рис. 1). Исходя из анализа данного космического изображения, можно восстановить приблизительные границы могильника и рассчитать с определенной долей вероятности количество курганных насыпей, учитывая их плотность на исследованных раскопками участках памятника. Наш анализ позволяет утверждать, что на видимой на космоснимке территории памятника площадью около 324 га может находиться не менее 13,5 тыс. подкурганных и бескурганных захоронений [Коробов и др., 2021а, с. 158]. Очевидно, что при столь

грандиозных размерах – около 3 км с северо-запада на юго-восток при максимальной ширине в центральной части около 1,4 км – развитие некрополя происходило в восточном направлении от Зильгинского городища, к которому он относился (рис. 1).

Для того чтобы уточнить хронологические рамки существования Бесланского могильника, нами в 2019–2020 гг. было проведено его специальное комплексное исследование. На космическом снимке было намечено два участка некрополя, расположенных в наибольшей близости от Зильгинского городища и на наибольшем от него удалении (рис. 1). На этих участках весной 2019 г. профессором Мюнхенского университета Й. Фассбиндером проведены геофизические исследования методом магнитометрии, в ходе которых были выявлены контуры ровиков, окружавших курганные насыпи. Следует отметить, что на расположенном возле городища участке геофизического обследования № 1 были отмечены в основном ровики подквадратной формы, ранее встречавшиеся на памятнике в единичных случаях, тогда как на удаленном от городища участке № 2 выявлялись исключительно кольцевые ровики, характерные, согласно имеющимся данным, для большинства курганных захоронений Бесланского некрополя. Более подробно методика геофизического обследования и ее результаты опубликованы нами в ряде работ [Коробов и др., 2021а; Korobov et al., 2021].

В настоящей статье публикуются результаты археологических раскопок пяти курганов, выявленных геофизическими методами на участках № 1 (курганы 876–878) и № 2 (курганы 874 и 875). Краткая информация о результатах этих исследований публиковалась в упомянутых выше статьях, нумерация курганов продолжается существующую на памятнике.

Все исследовавшиеся курганные насыпи были полностью распаханы и практически не прослеживались визуально в рельефе, вследствие чего оставалось по одной бровке посередине пространства, ограниченного выявленными с помощью магнитометрии ровиками (рис. 2, 1, 3, 1, 6, 1, 9, 1).

Наблюдаемая стратиграфия всех исследованных насыпей однотипна: верх профилей занимает пахотный слой в виде гумусирован-

ного суглинка черного цвета мощностью 30–40 см, который перекрывает погребенную почву (гумусированный суглинок серо-коричневого цвета с включением карбонатов, мощность 50–75 см). В бровках также фиксировались ровики трапецевидной в сечении формы, заглубленные в материк от 0,75 до 1,3 м. Ширина ровиков в верхней части варьировалась от 0,5 до 0,75 м, по дну – от 0,2 до 0,4 м. Заполнение ровиков – затечный гумусированный суглинок черно-коричневого цвета с вкраплениями материковой глины и включениями карбонатов.

Курган 874 (рис. 2, 1). Находился в СЗ квадрате участка геофизического обследования № 2, незначительно выходя за его пределы [Коробов и др., 2021а, рис. 6]. Курган содержал одно катакомбное захоронение, расположенное в центральной его части, и ровик кольцевой в плане формы. Диаметр ровика на уровне зачистки по внутренней контуре – 23,5 м, по внешней – 24,5 м. Ровик имел две перемычки – с СВ и ЮЗ сторон – шириной 2,35 м. В сечении трапецевидной формы, ширина по дну – 0,25–0,35 м. Ровик заглублен в материк на 0,85 м. Реконструируемая глубина ровика от уровня древнего горизонта ориентировочно составляла до 1,5 м, ширина на уровне древнего горизонта – от 1,0 до 1,5 м. В северной части ровика обнаружено скопление костей животного (№ 1 на общем плане, рис. 2, 1).

Погребение совершено в катакомбе (рис. 2, 2, 3). В древности подверглось ограблению. Входная яма прямоугольной в плане формы с уступом в контуре западного угла, размеры на уровне зачистки 2,96 × 1,56 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. СВ и ЮВ стенки нарушены при ограблении. Уступ в контуре западного угла обусловлен наличием в нем верхней ступеньки, находившейся в слое погребенной почвы. Ниже, из западного угла вдоль СЗ стенки, были сделаны еще девять ступенек высотой от 10 до 70 см, образующие «лестницу» общей длиной 1,6 м. Стенки, кроме ЮЗ наклонной, были вертикальные, хорошо заглажены. Передняя (СВ) стенка на высоту 1,6 м от дна нарушена при ограблении. Дно наклонное, понижается к СВ стенке, ко входу в камеру. В средней части дно было нарушено грабительской ямой, так

что образовалась высокая ступенька по всей его ширине. На уровне дна входная яма прямоугольной в плане формы с выраженными углами, ее длина 2,77 м, шириной у входа в камеру 1,4 м, у задней стенки – 0,49 м. Глубина входной ямы от уровня зачистки у входа составляет 3,53 м. В заполнении грабительской ямы на разной глубине найдены кости и зубы лошади, фрагменты керамических сосудов, кости погребенного, фрагмент бронзового наконечника ремня (№ 1) и фрагменты лощеного сосуда (№ 2).

Вход в камеру находился в СВ стенке входной ямы и был почти полностью разрушен при ограблении. Форма и размеры не реконструируются. Катакомба имела дромос длиной 0,28 м. В камеру из входной ямы вела вертикальная ступенька высотой 38 см. Длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы. Камера трапециевидной в плане формы со слегка скругленными углами и сужением в ЮВ части, размеры 2,32 × 1,56–1,15 м. Свод разрушен при ограблении; судя по сохранившимся участкам у боковых стенок, первоначально был вынесен вверх от входа и, скорее всего, имел стрельчатую форму.

На дне камеры фиксируются остатки посылки древесным углем от сожжения веток на стороне. В заполнении встречались фрагменты костей взрослого погребенного (судя по инвентарю, мужчины). На дне у ЮВ стенки найден фрагмент черепа, что, возможно, свидетельствует о положении погребенного головой направо от входа¹. В заполнении камеры обнаружены небольшие фрагменты кувшина и дерева, кости и зубы животного, а также сохранившийся инвентарь: бронзовая пряжка (№ 3), фрагменты железного ножа (№ 4), железного предмета (№ 5) и нижней части кувшина (№ 6).

Инвентарь

№ 1 – фрагмент бронзового² наконечника ремня. Лицевая пластина декорирована слабо профилированной фасетировкой. Обратная пластина уже лицевой, сильно деформирована. Для фиксации с ремнем – два штифта. Размеры лицевой пластины: сохр. длина – 3,5 см, ширина – 0,6 см (рис. 4,2).

№ 2 – фрагмент стенки лощеного кругового кувшина, орнаментированного вертикальным налепным валиком.

№ 3 – бронзовая пряжка с овальной, незначительно утолщенной в передней части рамкой и прямым язычком с уступом у основания, доходящим в передней части до середины ее сечения. Размеры – 1,2 × 0,9 см (рис. 4,1).

№ 4 – фрагменты железного однолезвийного ножа с прямыми лезвием и спинкой. На лезвии фиксировались остатки деревянных ножен. Размеры: сохр. длина – 4,0 см, ширина лезвия – 1,7 см (рис. 4,3).

№ 5 – фрагменты железного предмета (ножа?) с остатками деревянных ножен. Размеры: сохр. длина – 3,2 см, ширина лезвия – 1,5 см (рис. 4,4).

№ 6 – развал кругового лощеного кувшинчика с отбитым в древности горлом, крутыми плечиками, сфероконическим туловом и плоским дном. Плечики и тулово орнаментированы вертикальными пролощенными линиями. На дне отпечаток оси гончарного круга. Размеры: Нсохр.³ – 12 см, Дг – 13,3 см, Дд – 7 см (рис. 5,1).

Курган 875 (рис. 3,1). Находился к ЮВ от кургана 874, на границе двух квадратов участка геофизического обследования № 2 [Коробов и др., 2021а, рис. 6]. Курган содержал одно катакомбное захоронение, расположенное в центральной его части, и ровик кольцевой в плане формы. Размеры ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру по оси СЗ – ЮВ – 21 м, по оси СВ – ЮЗ – 20 м; размеры по внешнему контуру по оси СЗ – ЮВ – около 21,5 м, по оси СВ – ЮЗ – 23 м. Ровик имел две перемычки – с СВ и с ЮЗ сторон – шириной 2,15 и 2,25 м соответственно. В сечении трапециевидной формы, ширина по дну – от 0,3 до 0,6 м. Ровик заглублен в материк на глубину до 0,6 м. Глубина от уровня древнего горизонта ориентировочно составляла до 1,3 м, ширина на уровне древнего горизонта – от 1,2 до 1,7 м. В заполнении у ЮЗ перемычки найдены кости животного (№ 1 на общем плане, рис. 3,1).

Погребение было совершено в катакомбе (рис. 3,2,3). В древности подверглось ограблению. Входная яма прямоугольной в плане формы с уступом в контуре южного угла, размеры на уровне зачистки 3,2 × 1,4 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Уступ в контуре южного угла обусловлен на-

личием в нем верхней ступеньки, находившейся в погребенной почве. Ниже, из западного угла были сделаны еще пять ступенек, высотой от 10 до 120 см, в виде «колонны», общие размеры 1,3 × 0,9 м. В южном углу находилась нижняя ступенька высотой 60 см. Стенки наклонные, сужаются ко дну, хорошо заглажены. Дно практически горизонтальное. На уровне дна входная яма прямоугольной в плане формы длиной 1,91 м и шириной у входа в камеру 0,9 м, у задней стенки – 0,85 м. Глубина входной ямы от уровня зачистки – 3,25 м. На нижней ступеньке в южном углу находился фрагмент дна кувшина (№ 3). В заполнении грабительской ямы и на дне встречены фрагменты горшка (№ 1), светлоглиняного кувшина (№ 2), фрагмент железной пряжки (№ 9), бронзовое кольцо с зажимом (№ 10), а также частицы древесного угля.

Вход в камеру находился в СВ стенке входной ямы и был разрушен при ограблении; форма и высота не реконструируются, ширина по дну – 37 см. Катакомба имела дромос длиной 0,38 м. В камеру из входной ямы вела ступенька высотой 32 см. Длинные оси входной ямы и камеры сопрягаются под углом, отличным от прямого. Камера прямоугольной в плане формы с выраженными углами, размеры 2,39 × 0,97 м. Свод разрушен при ограблении; судя по сохранившимся участкам у боковых стенок, первоначально был вынесен вверх и имел стрельчатую форму. На дне камеры фиксировался толстый слой древесного угля от сжигания веток и сучьев на стороне, на котором, а также в придонной части заполнения находились сохранившиеся после ограбления предметы погребального инвентаря (№ 2, 4–9). Кроме того, в заполнении встречались разрозненные кости взрослого погребенного (судя по инвентарю, мужчины); ориентировка и положение не восстанавливаются. Возможно, *in situ* сохранились миска (№ 4) у входа в камеру и остатки железного меча или кинжала (№ 6) в сильно фрагментированном состоянии у передней стенки.

Инвентарь

№ 1 – фрагменты горшка с низким, сильно отогнутым наружу венчиком, плавно переходящим в плечики, сфероконическим туловом и плоским дном. Место максимального расширения тулова орнаментировано двумя

широкими смыкающимися горизонтальными желобками. Снаружи местами фиксируются следы нагара и копоти. Реконструируемые размеры: Но – 22,5 см, Дв – 15,3 см, Дт – 22,7 см, Дд – 12 см (рис. 5,2).

№ 2 – тонкостенный кувшин с отогнутым наружу венчиком, цилиндрическим горлом с утолщением в средней части, плавно переходящим в плечики, близким к сферическому туловом и широким плоским дном. Овальная в сечении ручка была отбита в древности, места прилепов зашлифованы: верхним прилепом ручка крепилась к середине горла, нижним – к плечу. Изготовлен с использованием гончарного круга быстрого вращения. Глина бежевого цвета, хорошо отмучена, без видимых примесей. Наружная поверхность местами покрыта ангобом темно-красного цвета, тщательно заглажена и покрыта лощением. Размеры: Но – 26,2 см, Дв – 7,6 см, Дт – 20 см, Дд – 14 см (рис. 5,3).

№ 3 – фрагмент дна кувшина. На дне фиксируются отпечатки досок гончарного круга. Размеры: Нсохр. – 7 см, Дд – 9 см (рис. 5,4).

№ 4 – миска с загнутым внутрь бортиком, плавно переходящим в прямые стенки, и плоским дном. Размеры: Но – 6,5 см, Нб – 2 см, Дб – 21,3 см, Дд – 8,5 см (рис. 4,12).

№ 5 – кольцо серебряное с зажимом. Рамка овальной формы, незначительно утолщенная в передней части. Зажим с лицевой стороны овальной формы. Для фиксации ремня (остатки фиксируются внутри зажима) использовался штифт. Размеры рамки – 1,1 × 0,7 см, размеры лицевой пластины зажима – 1,1 × 0,8 см (рис. 4,7).

№ 6 – фрагменты лезвия меча или кинжала с остатками деревянных ножен.

№ 7 – железный однолезвийный черенковый нож с горбатой спинкой и прямым лезвием. Лезвие и спинка переходят через выраженные уступы в черенок. На черенке и лезвии фиксируются следы дерева, соответственно от рукояти и ножен. На черенке отверстие для фиксации деревянной рукояти, в котором сохранился бронзовый гвоздь. Размеры: длина ножа – 12,3 см, длина лезвия – 9,0 см, ширина лезвия – 2,0 см, длина черенка – 3,0 см, ширина у основания 1,7 см (рис. 4, 11).

№ 8 – железная пряжка с овальной рамкой, утолщенной в передней части, и прямым

язычком с выступом у основания, в передней части почти доходящим до середины ее сечения. Размеры рамки – 3,1 × 2,2 см (рис. 4,6).

№ 9 – два фрагмента рамок железных пряжек; на одном фиксируются насечки (рис. 4,9,10).

№ 10 – кольцо бронзовое с зажимом. Рамка овальной формы с небольшим утолщением в передней части. Зажим с лицевой стороны прямоугольной формы со скругленным краем. Для фиксации ремня использовался штифт. Размеры кольца – 1,0 × 0,7 см, размеры зажима – 0,9 × 0,6 см (рис. 4,8).

№ 11 – пряжка серебряная с овальной, утолщенной в передней части рамкой и прямым, сильно уплощенным язычком без уступа у основания; язычок находился в расстегнутом виде. Щиток овальной формы, края загнуты внутрь, имитируя фасетировку. Для фиксации ремня имеются два штифта. Внутри щитка фиксируется паста белого цвета. Размеры рамки – 2,2 × 1,5 см, размеры щитка – 1,9 × 1,3 см (рис. 4,5).

Курган 876 (рис. 6,1). Находился в ЮЗ части участка геофизического обследования № 1, на границе двух квадратов [Коробов и др., 2021а, рис. 5].

Курган содержал два погребения – захоронение № 1 в катакомбе, находившееся в центре кургана, и подбойное погребение № 2 в западной части кургана, а также ровик квадратной в плане формы, ориентированный сторонами по линиям ССВ – ЮЮЗ и ЗСЗ – ВЮВ. Размеры ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру в направлении ЗСЗ – ВЮВ – 14,5 м, в направлении ССВ – ЮЮЗ – 15,5 м; размеры по внешнему контуру в направлении ЗСЗ – ВЮВ – 16 м, в направлении ССВ – ЮЮЗ – 16,5 м. Ровик имел две перемычки – с ССВ и с ЮЮЗ сторон – шириной 1,15 м и 1,2 м соответственно. В сечении трапециевидной формы. Ширина ровика по дну – от 0,4 до 0,6 м. Глубина ровика от уровня погребенной почвы ориентировочно составляла до 1,3 м, ширина на уровне древнего горизонта – до 1,3 м.

В заполнении ровика, в различных его частях, обнаружены кости и зубы животных, а также фрагменты керамических сосудов (№ 1–5 на общем плане, рис. 6,1). При снятии насыпи в пахотном слое найдены фрагменты костей животных и керамических сосудов,

относящиеся к распаханному (стратиграфически не выделяющемуся) культурному слою периферии посада Зильгинского городища, который диагностируют три хозяйственные ямы, обнаруженные в площади кургана (рис. 6,1).

Погребение № 1 было совершено в катакомбе (рис. 6,2,3). В древности подверглось ограблению. Входная яма узкой трапециевидной в плане формы с расширением в ССВ части, размеры на уровне зачистки 2,73 × 0,69–0,54 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. У задней стенки сделано шесть ступенек, расположенных в шахматном порядке, высотой от 43 до 83 см. Дно горизонтальное. Стенки вертикальные, хорошо заглажены. На уровне дна входная яма узкой трапециевидной в плане формы с расширением в ССВ части, размеры 2,1 × 0,74–0,47 м. Глубина от уровня зачистки – 2,52 м. В заполнении обнаружены кости погребенных, большое количество древесного угля и предметы погребального инвентаря, выброшенные при ограблении из камеры: дно кувшина (№ 1), фрагменты сосудов, мелкие фрагменты золотой фольги (№ 5), деревянного предмета, коралловый бисер (№ 9), фрагменты бронзовых штампованных изделий, среди которых определимы накладки (№ 11–19), серебряная ременная накладка или наконечник (№ 6), щиток пряжки (№ 10) и сердоликовая бусина (№ 20).

В ССВ стенке входной ямы находился арочной формы вход в камеру шириной по дну 53 см и высотой 49 см. В камеру вел дромос длиной 39 см. Дно входной ямы плавно переходит в дно камеры без ступеньки. Камера овальной в плане формы, размеры 2,27 × 1,64 м, ориентирована длинной осью по линии запад – восток. Длинные оси входной ямы и камеры сопрягаются под углом, отличным от прямого. Дно ровное. Свод полусферический, вынесен вверх от входа; реконструируемая высота – 1,07 м. У западной стенки в дне прослежена круглой формы ямка диаметром 18 см и глубиной 3 см. В центральной части камеры фиксируются остатки угольной посыпки и костный тлен. В катакомбе было совершено парное захоронение. В заполнении и на дне камеры обнаружены фрагменты кувшина (№ 1), кружка (№ 2), бронзовая позолоченная пряжка (№ 3), фрагмент железного ножа (№ 4),

фрагменты деревянного предмета (№ 7), игла фибулы (№ 8) и коралловый бисер (№ 9).

Инвентарь

№ 1 – фрагменты чернолощеного кувшина с высоким цилиндрическим горлом, переходящим через сглаженный перегиб в плечики, эллипсоидным туловом и узким плоским дном. Венчик снаружи оформлен в виде валика. Носик-слив закрытого типа, приподнят над плоскостью венчика. Ручка круглая в сечении, верхним прилепом крепится к верхней части горла с помощью штыря через отверстие (замазано с внутренней стороны), нижним – к плечу. Верхняя часть горла декорирована одной, а нижняя – двумя зонами из двух горизонтальных желобков, пространство между которыми заполнено оттисками 3-образного штампа. Еще одна зона оттисков 3-образного штампа ограничивает снизу декор на плечиках в виде заштрихованных треугольников, выполненных узкими пролощенными линиями. На дне фиксируются отпечатки досок гончарного круга. Размеры: Но – 26 см; Дт – 20,5 см; Дг – 8 см; Дд – 10 см (рис. 8,3).

№ 2 – кружка с эллипсоидным туловом, прямым вертикальным горлом и плоским дном. Петлевидная ручка верхним прилепом крепилась к плечу, нижним – к месту максимального расширения тулова с помощью штыря через отверстие в стенке, замазанное с внутренней стороны. Верхний прилеп ручки имеет зооморфное оформление. Верх плечиков декорирован поясом узких вертикальных насечек. Тулово в месте максимального расширения оформлено тремя коническими напелами, которые оконтурены двумя концентрическими пролощенными линиями. На дне фиксируются отпечатки досок гончарного круга. Размеры: Но – 12,5 см; Дв – 10 см; Дт – 14,5 см; Дд – 7,3 см (рис. 8,4).

№ 3 – бронзовая пряжка с корпусом из тонкой пластины, позолоченной снаружи. Изнутри позолота фиксируется на скошенных краях изделия, чуть заходя на основную поверхность этой (оборотной) стороны. На язычке и шпеньках следов позолоты нет. Рамка полая, В-образной формы, с отверстием, близким по форме прямоугольнику, и гранями, разделенными нечеткими ребрами, идущими вдоль периметра рамки. Язычок сегментовидный в сечении, с небольшим уступом у осно-

вания, плотно охватывает рамку. На полом неподвижном щитке, имеющем форму «геральдического» щита с четырехугольными вырезами по бокам, сохранились два штифта для крепления к ремню. С обратной стороны щитка фиксируются остатки пасты белого цвета. Размеры: рамки – 2,9 × 1,5 см, щитка – 1,5 × 1,7 см (рис. 7,1).

№ 4 – фрагмент черенка железного ножа со следами дерева от рукояти. Размеры: длина черенка – 4,2 см, ширина – 1,0–1,8 см (рис. 7,16).

№ 5 – два небольших фрагмента обкладки из тонкой золотой фольги (рис. 7,4).

№ 6 – серебряная штампованная накладка или наконечник с прямыми боками, полукруглой «нижней» частью и обломанной «верхней». По центру сохранившейся части находится вдавленный круг с выпуклой окантовкой, вокруг которого расположен орнамент в виде пуансона, выдавленного с обратной стороны изделия. Размеры – 1,5 × 1,5 см (рис. 7,3).

№ 7 – фрагмент деревянного предмета со следами серебра, размеры – 3,6 × 2,0 × 1,4 см.

№ 8 – бронзовая игла фибулы с пружиной и нижней тетивой; с помощью оси пружина крепится к Т-образной в сечении стойке, согнутой из тонкой прямоугольной пластины. Длина иглы – не менее 4,5 см; размеры основания стойки – 0,7 × 0,55 см (рис. 7,15).

№ 9 – коралловый бисер цилиндрической формы (7 шт.). Размеры: высота – 0,8 см, диаметр – 0,2 см, диаметр отверстия – 0,1 см (рис. 7,14).

№ 10 – фрагмент позолоченного щитка бронзовой пряжки, скорее всего аналогичной пряжке № 3. Щиток «геральдической» формы с вырезами по бокам (сохранился один – менее четкий, чем у пряжки № 3) и округлой (в отличие от пряжки № 3) задней частью; с двумя штифтами для крепления к ремню и остатками пасты белого цвета с обратной стороны изделия (рис. 7,2).

№ 11 – фрагмент деформированной штампованной бронзовой накладки, аналогичной накладке № 12 (рис. 7,7).

№ 12 – фрагмент деформированной серебряной полой штампованной накладки в виде четырехлепестковой розетки с орнаментом в виде круглых вдавлений по бокам основания лепестков; с обратной стороны фик-

сируются следы белой пасты. Размер лепестка – 1–1,2 × 0,5–0,6 см; реконструируемый диаметр розетки – около 2 см (рис. 7,8).

№ 13 – фрагмент серебряной штампованной накладки с орнаментом, аналогичным орнаменту на накладке № 6 (рис. 7,5).

№ 14 – сравнительно толстая прямоугольная пластина со штифтом (вероятно, прижимала изделие, которое крепилось загнутой частью штифта к ремню). Размеры – около 0,4 × 0,5 см (рис. 7,9).

№ 15 – фрагмент деформированной прямоугольной пластины из тонкой листовой бронзы, ширина 0,4 см (рис. 7,11).

№ 16 – фрагмент тонкой штампованной серебряной накладки с орнаментом, аналогичным орнаменту на накладках № 6 и 13, и остатками бронзового штифта (рис. 7,6).

№ 17 и 18 – фрагменты предметов из тонкой листовой бронзы со штифтами (рис. 7,10,12).

№ 19 – четыре фрагмента предметов из штампованной бронзы. Форма не восстанавливается.

№ 20 – бусина сердоликовая шаровидной формы, диаметр 0,6 см (рис. 7,13).

Погребение № 2 было совершено в подбое (рис. 6,4–7). Входная яма трапециевидной в плане формы с расширением в северной части, размеры на уровне зачистки 1,41 × 0,63–0,46 м, ориентирована длинной осью по линии С – Ю с небольшим отклонением. Стенки слабонаклонные, слегка сужаются ко дну, заглажены. Дно ровное, горизонтальное. Размеры ямы по дну – 1,32 × 0,67–0,47 м. Глубина от уровня зачистки – 0,63 м.

Подбойная ниша находилась в западной стенке входной ямы. Вход в нишу узкой прямоугольной формы со скругленными углами, размеры 1,1 × 0,25 м, смещен к северной стенке. Заклад входа сделан в виде глиняной забутовки размерами 1,3 × 0,3 м и высотой 0,6 м. В нишу вела наклонная ступенька высотой 15 см. Ниша прямоугольной в плане формы с сильно скругленными углами, размеры 1,17 × 0,45 м. Свод понижался от входа к передней стенке. Высота свода при входе – 0,33 м.

В камере находился скелет ребенка 4–5 лет. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на север (направо от входа). Череп носит следы искус-

ственной деформации по типу высокой кольцевой. Руки вытянуты вдоль туловища и слегка расставлены в стороны. Ноги вытянуты вдоль оси туловища. Палеоантропологический анализ данного захоронения был проведен М.Б. Медниковой и О.Ю. Четкиной [Коробов и др., 2021б]. Исследователями отмечался неоднократный физиологический стресс и значительные физические нагрузки, которые испытывал при жизни ребенок; зафиксирована искусственная деформация и трепанация черепа на лобной кости в области брегмы.

Инвентарь

№ 1 – слева у головы стоял небольшой горшок с низким отогнутым наружу венчиком, сфероконическим туловом и узким, слегка выпуклым дном. Место максимального расширения тулова орнаментировано поясом из двух желобков. Снаружи фиксируются следы нагара и копоти. Размеры: Но – 11,3 см, Дв – 9 см, Дт – 12,2 см, Дд – 5,6 см (рис. 8,2).

№ 2 – на шее погребенного находилась массивная бронзовая цепочка, на которой прослеживался органический тлен коричневого цвета (остатки кожаного ремня, скреплявшего крайние звенья?). Цепочка состоит из 16 звеньев овальной формы. Размеры: общая длина цепочки – 20,2 см, размеры звеньев – 1,7 × 0,8 см (рис. 8,1).

Курган 877 (рис. 9,1). Находился в ЮВ части участка геофизического обследования № 1, на границе трех квадратов [Коробов и др., 2021а, рис. 5]. Курган содержал катакомбное погребение, находившееся в его центральной части, и ровик квадратной в плане формы со слегка скругленными углами, ориентированный по сторонам света. Размеры ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру – 11,5 × 11,5 м; размеры по внешнему контуру – 12,5 × 12,5 м. Ровик имел две перемычки – с С и Ю сторон – шириной 1,1 м и 0,5 м соответственно. В сечении трапециевидной формы. Ширина по дну – 0,2–0,3 м. Глубина ровика от уровня погребенной почвы ориентировочно составляла 1,0 м, ширина на уровне древнего горизонта – до 0,8 м.

В СВ части он прорезал кольцевой ровик кургана 878. В восточной части прослеживался меридионально ориентированный ровик кургана, выходивший за пределы раскопанного пространства и не исследованный;

его ширина по дну – 0,3–0,4 м, глубина от уровня погребенной почвы – до 0,7 м, ширина на уровне древнего горизонта – до 0,7 м. Данный ровик нарушил западную часть контура кольцевого ровика кургана 878. В свою очередь, северная часть ровика кургана 877 прорезает ровик неисследованного кургана. Стратиграфическое соотношение ровиков следующее (рис. 9,1): 1) наиболее ранним является курган 878 с кольцевым ровиком (его нарушают два квадратных в плане ровика); 2) позже был сооружен неисследованный курган с квадратным ровиком, прорезавший кольцевой ровик кургана 878; 3) наиболее поздним является курган 877 с квадратным ровиком, который прорезал ровики двух других курганов.

В заполнении ровиков встречались кости животных и фрагменты керамических сосудов (№ 1–7 на плане, рис. 9,1), преимущественно относившиеся к культурному слою периферии посада городища.

Погребение было совершено в катакомбе (рис. 9,2,3). В древности подверглось ограблению. Входная яма трапециевидной в плане формы с расширением в ССВ части, размеры на уровне зачистки 2,31 × 0,69–0,53 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. Боковые стенки наклонные, расширяются ко дну, передняя стенка – вертикальная; все стенки хорошо заглажены. В задней стенке были сделаны три ступеньки высотой от 24 до 79 см: две расположены в шахматном порядке, и одна – по всей ширине задней стенки. Дно слабонаклонное, понижается к ССВ стенке, ко входу в камеру. По дну входная яма трапециевидной в плане формы с расширением ССВ части, размеры 1,87 × 0,93–0,52 м. Глубина входной ямы составляла 1,97 м от уровня зачистки. В заполнении обнаружен фрагмент красноглиняного кувшина, изготовленного в керамической традиции Кавказской Албании.

Вход в камеру находился в ССВ стенке входной ямы и был частично нарушен при ограблении; первоначальная ширина – 56 см, высота – 34 см. Камеру с входной ямой соединял дромос длиной 33 см. В камеру вела нарушенная грабителями ступенька высотой 17 см. Камера неправильной овальной формы с сужением в восточной части, размеры 2,18 × 1,56 м, ориентирована длинной осью по

линии 3 – В. Длинные оси входной ямы и камеры образуют угол, отличный от прямого. Свод был вынесен вверх от входа и был трапециевидной в разрезе формы. Высота свода – 1,0 м.

В заполнении камеры встречались разрозненные кости скелета взрослого индивида, фрагменты керамических сосудов (в том числе небольшой венчик миски), очевидно происходившие из культурного слоя, и рамка железной пряжки (№ 2). На дне камеры, в ЮВ части, находились длинные кости ног, смещенные при ограблении, и рядом с ними бронзовая серьга (№ 1). Положение и ориентировка погребенного не восстанавливаются.

Инвентарь

№ 1 – бронзовая литая калачиковидная серьга с несомкнутыми концами. Размеры: диаметр – 1,3 см, диаметр сечения – 0,3 см (рис. 11,3).

№ 2 – два фрагмента рамки железной пряжки круглой формы, диаметр – 2,0 см (рис. 11,2).

№ 3 – ручка двуручного кувшина с прочерченным по сырой глине на верхнем прилепе знаком в виде косоугольного креста, очевидно происходившая из культурного слоя посада городища (рис. 11,1).

Курган 878 (рис. 9,1). Находился к СВ от кургана 877, в центральной части восточного ряда квадратов участка геофизического обследования № 1. Кольцевой ровик кургана не распознавался на магнитограмме [Коробов и др., 2021а, рис. 5] и был выявлен в процессе работ при зачистке ровика кургана 877.

Курган содержал одно катакомбное погребение, находившееся в центральной его части, а также ровик кольцевой в плане формы, сохранившийся в южной и СЗ частях контура; северная и восточная части не прослеживались, поскольку полностью находились в слое погребенной почвы, западная часть нарушена квадратным в плане ровиком кургана, выходящего за пределы исследованной площади. Диаметр ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру – 9 м, по внешнему контуру – 9,7 м. Ровик, очевидно, имел две перемычки – в ССВ и ЮЮЗ секторах. ССВ перемычка не сохранилась; ширина ЮЮЗ перемычки не восстанавливается, поскольку ее восточная оконечность нарушена ровиком

кургана 877. В сечении ровик трапециевидной формы. Ширина на уровне материка – 0,3 м, по дну – 0,2 м. Ровик заглублен в материк на 0,2 м. На дне восточной оконечности ЮЮЗ перемишки найдены фрагменты миски (№ 8 на общем плане, рис. 9,1). Миска из ровика с загнутым внутрь бортиком, с выраженным переходом через срезанное ребро в прямые стенки и узким плоским дном. Размеры: Но – 8,2 см, Нб – 2 см, Дб – 28 см, Дд – 8,3 см (рис. 10,3).

Погребение было совершено в катакомбе (рис. 10,1,2). В древности подверглось ограблению. ЗЮЗ угол входной ямы частично нарушен ровиком кургана 877. Входная яма широкой трапециевидной в плане формы с выраженным расширением в ССВ части и уступом в контуре ЗЮЗ угла, размеры 2,05 × 1,63–0,72 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. Уступ в контуре ЗЮЗ угла обусловлен наличием в нем верхней ступеньки, находившейся в слое погребенной почвы. Ниже были сделаны еще две угловые ступеньки высотой от 35 до 80 см. У ЮЮЗ стенки была сделана нижняя ступенька высотой 15 см; наклонная поверхность ступеньки связана с ее использованием в процессе сооружения катакомбы. Стенки входной ямы наклонные, выражено сужаются ко дну; хорошо заглажены. Дно наклонное, понижается к ССВ стенке, к входу в камеру. На уровне дна входная яма трапециевидной в плане формы с выраженным расширением в ССВ части, размеры 1,84 × 1,15–0,34 м. Глубина от уровня зачистки – 1,25 м.

Вход в камеру находился в ССВ стенке. Вход округлой формы, был нарушен при ограблении; ширина по дну – 57 см, высота – 52 см. Катакомба имела дромос длиной 42 см. В камеру вела вертикальная ступенька с реконструируемой высотой 40 см и частично нарушенным при ограблении верхом. Камера овальной в плане формы с вогнутой ЮЮЗ стенкой, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ – ВЮВ, размеры 2,04 × 1,16 м. Длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы. Свод понижался от входа к передней стенке камеры. Высота свода – 0,9 м.

На дне камеры, по диагонали, находился скелет погребенного взрослого индивида пло-

хой сохранности, частично нарушенный при ограблении. Погребенный был уложен в вытянутом положении на спине головой на ЮВ (головой направо от входа). В западной части камеры на дне фиксировалось пятно органического тлена коричневого цвета размерами 20 × 50 см.

Инвентарь

Рядом с левой рукой погребенного находилось квадратное в сечении железное шило (№ 4); прямоугольный в сечении черенок расширяется к основанию. Размеры: длина общая – 12,8 см, длина рабочей части – 8,8 см, размеры черенка по сечению – 0,3–0,7 × 0,2 см (рис. 11,5).

У передней стенки стояла миска (№ 1) с загнутым внутрь бортиком, плавно переходящим в прямые стенки, и узким вогнутым дном. На внутренней стороне дна – прочерченное по сырой глине изображение в виде креста. Размеры: Но – 7 см, Нб – 2 см, Дб – 20 см, Дд – 7,5 см (рис. 11,7).

Между правым бедром погребенного и миской были обнаружены железный нож (№ 2) и речная галька. Нож железный однолезвийный с прямыми лезвием и спинкой, плавно переходящими в черенок. На черенке и лезвии фиксируются следы дерева – от рукояти и ножен соответственно. Размеры: длина ножа – 10,8 см, длина лезвия – 7,5 см, ширина лезвия – 1,8 см, длина черенка – 3,3 см, ширина у основания 1,0 см (рис. 11,4).

У левого колена найдена фрагментированная железная пряжка (№ 3) с овальной рамкой, размеры 2,5 × 2,5 см (рис. 11,6).

Погребальный обряд. Исследованные комплексы хорошо вписываются в контекст известных древностей аланской культуры. Для погребального обряда городских некрополей раннего этапа аланской культуры характерны преимущественно подкурганые захоронения в катакомбах типа I (по К.Ф. Смирнову [1972] и М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашеву [1999]), окруженные ровиками, имеющими по две перемишки (разрывы контура), как правило, в северном и южном секторах [Габуев, Малашев, 2009; Коробов и др., 2014; Малашев и др., 2018, с. 197; Малашев и др., 2020, с. 443, 445]. Во второй половине II – первой половине IV в. н.э. преобладают ровики кольцевой формы, при этом уже в первой половине – сере-

дине III в. н.э. изредка встречаются квадратные в плане ровики, которые в дальнейшем чаще используются в конструкции курганов [Коробов и др., 2014, рис. 3; Малашев и др., 2018, рис. 2,2]. Квадратные / прямоугольные ровики практически полностью сменяют кольцевые к финалу IV столетия, и начиная с V в. н.э., последние неизвестны [Габуев, Малашев, 2009, рис. 31; Малашев, 2018, рис. 4: к. 1452, 1462, 1463, 1477, 1478; Малашев, 2019, рис. 1399]. Исследованные раннесредневековые комплексы Бесланского могильника (курганы 876 и 877), продолжая традицию предшествующего времени, совершены в курганах с квадратными / прямоугольными ровиками. В качестве аналогии им укажем синхронные погребальные комплексы курганов 13 и 18 могильника Брут 2, совершенные в катакомбах, окруженных квадратными ровиками [Габуев, Малашев, 2009, рис. 80].

Как правило, захоронения совершались под индивидуальной насыпью, то есть внутри ровика находилось одно погребение. Исключением являются курганные могильники аланской культуры раннего этапа Среднего Терька, объединяемые в самостоятельный вариант культуры, где известны курганы, содержавшие по 2 (в одном случае 3) погребения [Малашев и др., 2018, с. 198–199; Малашев и др., 2020, с. 447–448; Коробов и др., 2020, с. 446, 453], что является локальной особенностью данного варианта. Для памятников раннего этапа культуры равнинно-предгорной полосы, в число которых входит и Бесланский могильник, подобные случаи пока неизвестны. Однако позднее, начиная с эпохи Великого переселения народов, данная обрядовая особенность появляется и здесь: это периферийные захоронения в кургане 11 могильника Брут 1 [Габуев, 2014, рис. 40] и в публикуемом кургане 876 Бесланского могильника.

Основной формой погребальных сооружений аланской культуры, диагностирующей ее памятники, является катакомба типа I (длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы). Дополнительными признаками следует считать форму и пропорции входных ям, конструкцию ступенек в них, форму камер и свода. Данные признаки, часто работая в сочетании, позволяют проследить эволюцию катакомб в рамках культуры и да-

вать хронологическую оценку их конструктивным особенностям. Ранее одним из авторов уже неоднократно рассматривался вопрос об изменении признаков, касающихся конструкции катакомб аланской культуры в рамках второй половины II – первой половины V в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 146; Малашев, 2010, с. 119–120; Малашев, Торгоев, 2018, с. 39; Коробов и др., 2020, с. 454].

Все исследованные катакомбы имеют меридионально ориентированные входные ямы, камеры находятся у северных стенок, что соответствует обрядовым особенностям памятников равнинно-предгорной полосы, в том числе многочисленной серии самого Бесланского могильника. У всех входных ям зафиксированы ступеньки различной конструкции у задних (южных) стенок.

Наиболее ранней, как по конструктивным признакам (широкая трапециевидной формы входная яма, расположение ступенек по углам у задней стенки, овальная камера, понижающийся от входа к передней стенке камеры свод), так и по планиграфической позиции кургана у периферии городища, является катакомба кургана 878.

Более поздними конструктивными признаками обладают катакомбы из курганов 874 и 875, у которых более узких пропорций прямоугольные входные ямы и прямоугольные камеры с вынесенными вверх стрельчатыми сводами. Показательна и конструкция ступенек катакомбы кургана 874 вдоль боковой стенки в виде «лестницы». Относительно времени появления данных конструктивных признаков ранее уже приходилось высказываться. Более узкие, прямоугольной формы (в отличие от сравнительно широкой трапециевидной формы) входные ямы получают распространение с позднего III в. н.э.; к этому же времени относится появление ступенек вдоль длинной боковой стенки. Вынесенный вверх от входа свод стрельчатой или трапециевидной в разрезе формы вырабатывается во второй половине III в. н.э. Как устойчивое сочетание признаков, данные новации в конструкции катакомб получают распространение в раннем IV в. н.э. и фиксируются до финала столетия.

Наиболее поздние катакомбы (курганы 876 и 877) выделяются узкими, слабо вы-

раженной трапециевидной формы входными ямами и овальной или неправильной овальной формы камерами. Ступеньки у задней стенки расположены по углам в шахматном порядке. По перечисленным конструктивным признакам они близки синхронным катакомбам курганов 13 и 18 некрополя Брутского городища – могильника Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, рис. 82, 89].

Вследствие ограбления положение и ориентировка погребенных достоверно не устанавливаются, исключая захоронение в кургане 878, где погребенный был уложен в вытянутом положении на спине головой на ЮВ, направо от входа. Ориентировка в восточный сектор, направо от входа, является характерной для Бесланского могильника [Малашев, Торгоев, 2018, с. 37]. Обращает на себя внимание положение погребенного по диагонали камеры. Подобное положение не является следствием недостаточности длины камеры и, следовательно, сделано преднамеренно. Данный признак пока не реализовывался в известной на сегодняшний день выборке погребений аланской культуры раннего этапа вследствие небольшого количества ненарушенных ограблением комплексов, а также незначительной серии наиболее ранних погребений, относящихся ко второй половине II в. н.э. При этом он находит прямые соответствия в погребальной обрядности среднесарматской культуры, являясь одним из ее диагностических признаков. Учитывая планиграфическую позицию данного комплекса, отражающую начальную стадию развития некрополя, можно интерпретировать этот факт как сохранившиеся реминисценции обряда среднесарматской культуры, носители которой приняли участие в культурогенезе аланской культуры на раннем этапе и этногенезе северокавказских алан в качестве одного из компонентов [Малашев, 2016, с. 64–65; Малашев, Дзуцев, 2016, с. 181].

Отметим еще такую особенность обряда аланской культуры, как посыпку (иногда до 5–7 см толщиной) дна камер древесным углем, которая эпизодически фиксируется с середины III в. н.э. [Малашев, Торгоев, 2018, с. 39] и широко используется начиная с IV в. н.э. [Малашев и др., 2018, с. 198; Малашев и др., 2020, с. 443], вклю-

чая раннее Средневековье [Габуев, Малашев, 2009, с. 49, 53].

Несколько особняком стоит захоронение в подбое, являющееся периферийным в кургане 876. Подбои являются редкой формой погребальных сооружений, входящих в состав некрополей аланской культуры. Для раннего этапа аланской культуры они чаще встречаются в некрополях Среднего Терека, где составляют около 5 % [Малашев и др., 2018, с. 197–198; Малашев и др., 2020, с. 444], чем в памятниках предгорно-равнинной части. В это время для Бесланского могильника подбои встречены пока только на его периферии в ЮЗ части и количественно не превышают 1 % в исследованной выборке [Джанаев, 2011; Малашев, 2011]⁴; подбойные ниши чаще находятся у ССЗ – СЗ стенок, ориентировка погребенных преимущественно в секторе СВ – ЮВ, что соотносится с ориентировкой захороненных в катакомбах. Следует также отметить, что все подбои Бесланского могильника бескурганные. Учитывая, что погребение 2 кургана 876 является подкурганым периферийным, данное подбойное захоронение, как и погребение из кургана 11 могильника Брут 1, следует, видимо, соотносить с обрядовыми традициями населения локального варианта аланской культуры Среднего Терека предшествующего времени, где дважды встречены периферийные захоронения в курганах, совершенные в подбоях.

Погребальный инвентарь анализируемых погребений, сохранившийся после ограблений, находит многочисленные аналогии в древностях аланской культуры раннего этапа и раннего Средневековья.

Миски с загнутым внутрь бортом являются наиболее распространенной категорией посуды в погребениях раннего этапа аланской культуры [Габуев, Малашев, 2009, с. 116–117]. Образцы из курганов 875 и 878 (рис. 4, 12, 10, 3, 11, 7) достаточно стандартны и пока не дают оснований для сужения датировки в рамках второй половины II – IV в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 116, рис. 127, 1–15]. Обращает на себя внимание прочерченный по сырой глине на внутренней поверхности дна миски знак в виде креста (рис. 11, 7). Практика нанесения знаков в виде креста и др. на внутренней поверхности дна мисок – изредка

встречающийся прием дизайна данной категории сосудов (см., например: [Малашев, 2018, рис. 401, 762,2]).

Представляет интерес находка из кургана 875 тонкостенного светлоглиняного узкогорлого кувшина с утраченной в древности ручкой, место скола которой было зашлифовано (рис. 5,3). Кувшин импортный, закавказского происхождения, который, видимо, представлял ценность для владельца. По профилировке верхней части он близок сосуду из слоя Зильгинского городища [Arzhantseva et al., 2000, p. 242, fig. 18], а также находит аналогии в материалах Жинвальского могильника в Грузии⁵, которые датируются в рамках III – начала IV в. н.э. [Рамишвили, 1983, табл. LXIII, LXV,283].

Горшки (рис. 5,2, 8,2) не часто входят в состав погребального инвентаря, являясь при этом самой массовой категорией керамической посуды из культурных напластований городищ раннего этапа аланской культуры [Габуев, Малашев, 2009, с. 121–122]. Горшку из погребения 2 кургана 876 (рис. 8,2) близок сосуд из кургана 13 могильника Брут 2, инвентарь которого датируется концом VI – первой третью VII в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 122, рис. 85,14]. Форма горшка из кургана 874 (рис. 5,2) типична для древностей аланской культуры раннего этапа и не имеет оснований для узкой датировки.

Чернолощеный кувшин из погребения 1 кургана 876 (рис. 8,3), декорированный по горлу и плечикам оттисками 3-образного штампа, характерного для орнаментации раннесредневековой керамики восточных районов аланской культуры, морфологически близок сосуду из кургана 18 могильника Брут 2, комплекс которого относится к концу VI – первой трети VII в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 120–121, 127–129, 141, рис. 93,14]. Обнаруженная в публикуемом нами комплексе кружка с высокой зооморфной ручкой и тремя коническими напелами на тулове (рис. 8,4) не противоречит этой дате. Она близка к разновидности кружек Кр. 7 (по типологии В.Ю. Малашева) западных районов аланской культуры, которая распространена на протяжении периодов IIб и IIIа Кисловодской котловины, относимых к первой половине – третьей четверти VII в. [Малашев, 2001, с. 13, 31, рис. 53, 67; Гавритухин, 2001, с. 48].

Хорошими хронологическими индикаторами являются детали ременных гарнитур. Небольшая пряжка из кургана 874 (рис. 4,1) с прямым язычком и уступом у основания, достигающим в передней части до середины высоты рамки, относится к разновидности П10 [Малашев, 2000, с. 196, рис. 1, 2], датирующейся второй – третьей четвертью IV в. н.э.⁶ Фрагмент деформированной детали ременной гарнитуры с фасетированной лицевой пластиной, скорее всего, является частью наконечника-подвески с утраченной нижней частью (рис. 4,2) и может быть атрибутирован как Н6, Н7 или Н8 [Малашев, 2000, с. 197, рис. 1, 2]. Двухчастные наконечники Н6 и Н7 разделяются по форме расширения нижней части подвески, которая не сохранилась, что не позволяет датировать рассматриваемую находку уже, чем IV столетием в целом. Хронологическая оценка одночастных наконечников Н8 оценивается от середины IV в. н.э. с заходом в первую половину V в. н.э. В этом случае основанием для датировки комплекса является пряжка.

Серебряная пряжка из кургана 875 с овальной рамкой, имеющая расширение в передней части, прямым язычком без выраженного уступа у основания, не достигающим в передней части до середины высоты рамки, и овальным щитком (рис. 4,5) относится к разновидности П9 [Малашев, 2000, с. 196, рис. 1, 2] и датируется от финала III – рубежа III/IV вв. по первую треть IV в. н.э. Железная пряжка с овальной рамкой, имеющей выраженное утолщение в передней части, и прямым язычком с выступом у основания, достигающим в передней части до середины ее высоты (рис. 4,6), соотносится с ременными застежками П10, датирующимися второй – третьей четвертью IV в. н.э. (см. выше), что определяет хронологическую оценку комплекса. Два небольших кольца с овальным и округлым зажимами (рис. 4,7,8) не противоречат данной датировке.

Находки из кургана 876 подробно рассмотрены в статье И.О. Гавритухина [2023], опубликованной в данном номере журнала. Из них для датировки наиболее пригодны детали ременной гарнитуры. Маленькая В-образная полая пряжка с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы (рис. 7,1), сделана в вос-

точноевропейских традициях постгуннского (так называемого шиповского) круга с византийским влиянием и может быть датирована около второй половины VI в. н.э. Плоские четырехлепестковые накладки со скошенными краями и имитацией отверстий по бокам основания лепестков (рис. 7,7,8) связаны с традициями Камского региона. Их аналоги появились не позднее середины VI в. н.э. и выходят из употребления во второй половине VII в. н.э. Ближайшие стилистические параллели этим вещам, близкие им и хронологически, представлены в могильнике Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, рис. 84, 92], культурно и территориально близком Бесланскому. Если принять гипотезу о связи изменений в стилистике ремennых гарнитур с периодом господства на Северном Кавказе Тюркского каганата (между 569 и 576 гг.), то дату кургана 876 можно сузить до четвертой четверти VI в. н.э. Игла с пружиной и Т-образной стойкой из кургана 876 (рис. 7,15) принадлежит, скорее всего, двупластинчатой фибуле, сделанной из тонкой пластины, к которой припаивались стойка для крепления оси пружины и приемник. Такие застежки были широко распространены в аланской культуре Северного Кавказа с середины V в. н.э., в VII в. н.э. они выходят из употребления.

Инвентарь кургана 877 практически не сохранился вследствие ограбления. Исходя из планиграфической ситуации в могильнике, формы ровика и конструкции катакомбы, он в целом синхронен кургану 876. Этой датировке не противоречит находка бронзовой литой калачиковидной серьги (рис. 11,3).

Заключение

Небольшие по объему раскопки в разных частях обширного Бесланского могильника позволяют сделать ряд выводов. Развитие некрополя происходило от Зильгинского городища в восточном направлении. Возможно, наиболее ранние погребальные комплексы, располагавшиеся у окраины городища на ранней фазе его развития, могли быть перекрыты культурным слоем неукрепленного посада, который прослеживается на расстоянии не менее 230 м от восточного рва (рис. 1). Именно на этом расстоянии фиксируются хозяй-

ственные ямы, попавшие в площадь ровика кургана 876 (рис. 6,1). Примечательно, что на раскопанном пространстве курганов 877 и 878, расположенных в 35–40 м к северо-востоку, хозяйственные ямы и культурный слой посада не обнаружены, хотя отдельные находки керамики и костей животных там присутствовали, что, видимо, является результатом многолетней распашки. Представляется возможным утверждать, что нашими исследованиями прослежена восточная граница посада Зильгинского городища в момент его максимального расширения, скорее всего относящегося к III в. н.э.

Наиболее ранним из исследованных погребений является курган 878, который в широких рамках можно отнести ко второй половине II – первой половине III в. н.э. по особенностям конструкции погребального сооружения [Габуев, Малашев, 2009, с. 146] – широкой трапециевидной формы входной яме и диагональному положению погребенного в камере, ассоциирующемуся с погребальной обрядностью среднесарматской культуры. В этом случае для датировки данного комплекса можно предложить раннюю часть указанного интервала. Находящиеся на восточной периферии некрополя курганы 874 и 875 по предметам ремennой гарнитуры могут датироваться второй – третьей четвертью IV в. н.э. и, очевидно, отражают период максимального расширения площади могильника.

Впоследствии жизнь на Зильгинском городище затухает, существенно сокращается его жилищно-хозяйственная зона. Это подтверждается результатами охранно-спасательных раскопок 2020 г. в центральной части городища [Чшиев, 2021, с. 16–17, ил. 7, 8, 10, 11], где на территории жилых холмов IV и V обнаружены грунтовые катакомбные захоронения середины – второй половины V в. н.э., впущенные в культурный слой, что свидетельствует об использовании данной части городища под некрополь. Показательно, что ни на наиболее отдаленных, ни на примыкающих к посаду Зильгинского городища участках Бесланского могильника погребения этого времени неизвестны.

Во второй половине VI в. н.э. снова совершаются захоронения в прилегающей к городищу части некрополя, что корреспондиру-

ется с особенностями развития могильника Брутского городища и отражает определенные тенденции исторических процессов на данной территории [Габуев, Малашев, 2009, с. 10, 143]. В отличие от более ранних курганных погребений, для которых характерны кольцевые ровики, наиболее поздние катакомбы окружены ровиками квадратной формы. Эта особенность погребального обряда уже отмечалась в ходе предыдущих исследований на могильниках Брут 2, Левоподкумский 1, Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I [Габуев, Малашев, 2009, с. 36, 48, 52; Коробов и др., 2014; Малашев и др., 2018; Малашев и др., 2020]. Учитывая, что по данным геофизического обследования на участке № 1 вблизи городища прослежено не менее 17 ровиков квадратной формы [Коробов и др., 2021а, с. 159, рис. 5], поздние катакомбы Бесланского могильника не являются единичными, хотя, конечно, и не составляют столь высокой плотности погребений, как в период расцвета жизни на Зильгинском городище, приходящегося на II–IV вв. н.э.

Очевидно, в VII в. н.э. Зильгинское городище покидает его население, что подтверждается как находками из культурного слоя памятника [Гавритухин, 2007], так и публикуемыми в данной работе материалами из курганов 876 и 877. В настоящий момент не представляется возможным дать однозначную историческую интерпретацию этому процессу. Возможной причиной послужили экологические изменения – начавшаяся около рубежа IV/V вв. н.э. аридизация с тенденцией дальнейшего усиления к VII в. н.э. [Хохлова и др., 2009], которая могла стать катализатором резкого уменьшения количества населения на равнинных территориях и, как следствие, освоения носителями аланской культу-

ры горных районов начиная с позднего VI – раннего VII в. н.э. Не исключено, что перемещение населения с равнин было связано и с хазарской экспансией в период становления каганата, однако подтверждение или опровержение этим гипотезам можно будет получить в будущем в ходе дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Палеоантропологические определения кандидата исторических наук С.Ю. Фризена (ИЭА РАН).

² Здесь и далее дается предварительное определение цветных металлов, из которых изготовлены предметы ременной гарнитуры и украшения. Их детальный анализ в настоящий момент проводится под руководством кандидата исторических наук И.А. Сапрыкиной в Центре коллективного пользования Института археологии РАН.

³ Здесь и далее используются следующие сокращения при описании размеров сосудов: Нсохр. – сохранившаяся высота; Но – общая высота; Нб – высота бортика; Дв – диаметр венчика; Дт – диаметр тулова; Дд – диаметр дна; Дб – диаметр бортика; Дг – диаметр горла.

⁴ Сюда включены два погребения в типологически близких погребальных сооружениях в виде катакомб типа IV. Помимо этого, встречено примерно столько же захоронений в ямах, часть которых могла быть неглубокими подбоями с непрслеживающимися входными ямами, находившимися в погребенной почве.

⁵ Выражаем глубокую признательность Д.А. Хазамову за указанную аналогию в публикациях грузинских коллег.

⁶ Морфологически близкие пряжки существуют и позднее, но признаки, характерные для ременных застежек второй половины V – VI в. н.э., на данных образцах отсутствуют. Кроме того, контекст погребальных комплексов курганов 874 и 875 (форма ровиков, конструкция катакомб и остальной инвентарь) не дают оснований для более поздних ассоциаций.

Рис. 4. Погребальный инвентарь курганов 874 (1–4) и 875 (5–12):

1, 5, 6 – пряжки; 2 – наконечник ремня; 3, 4, 11 – фрагменты ножей; 7, 8 – кольца с зажимами;
9, 10 – фрагменты пряжек; 12 – миска. 1, 2, 7 – бронза; 3, 4, 6, 9, 10, 11 – железо; 5, 8 – серебро; 12 – керамика

Fig. 4. The funerary inventory of the kurgans 874 (1–4) and 875 (5–12):

1, 5, 6 – buckles; 2 – belt tip; 3, 4, 11 – knife fragments; 7, 8 – rings with clamps;
9, 10 – buckle fragments; 12 – bowl. 1, 2, 7 – bronze; 3, 4, 6, 9, 10, 11 – iron; 5, 8 – silver; 12 – pottery

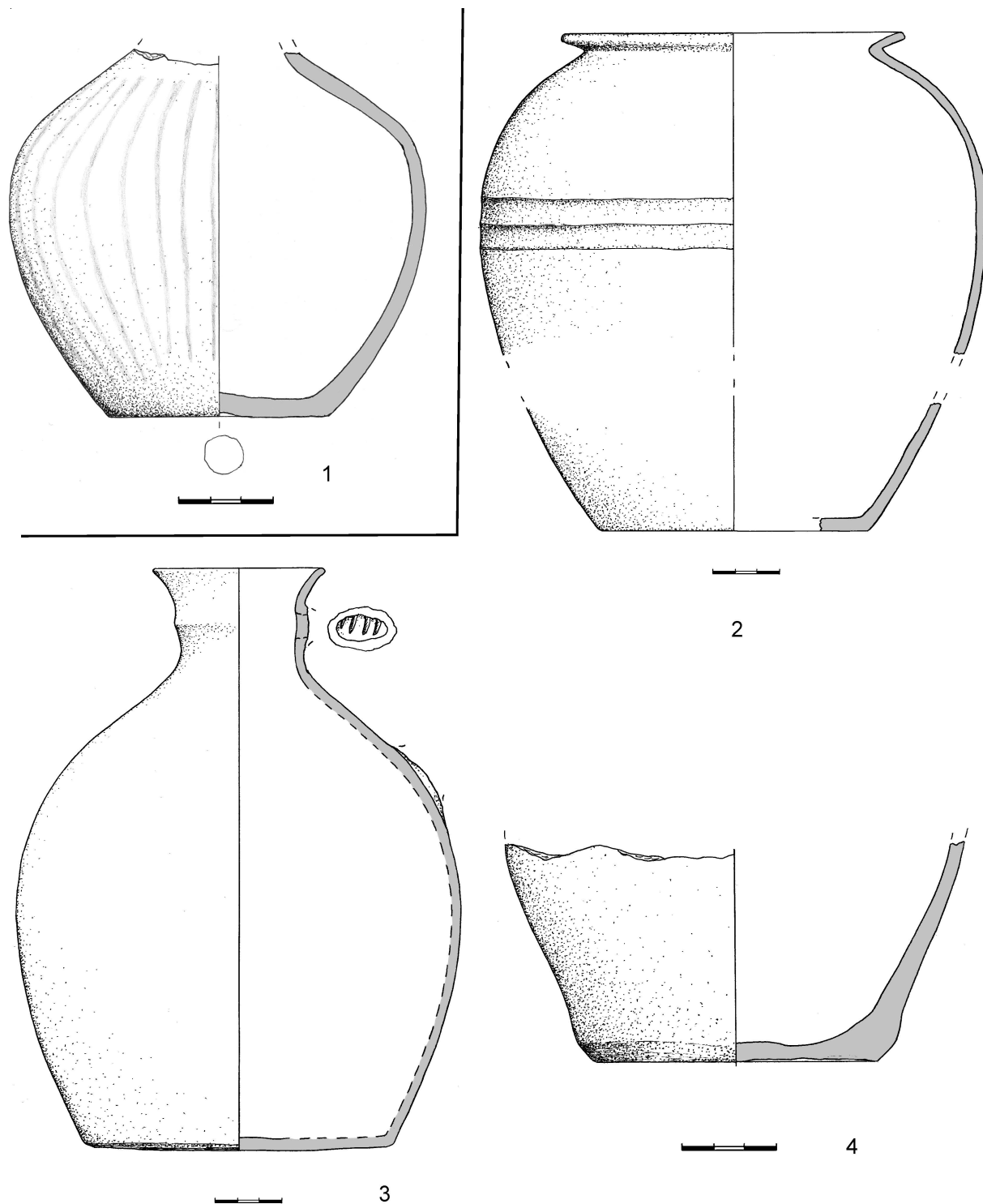

Рис. 5. Погребальный инвентарь курганов 874 (1) и 875 (2–4):

1 – кувшинчик; 2 – графическая реконструкция горшка; 3 – кувшин; 4 – дно кувшина. 1–4 – керамика

Fig. 5. The funerary inventory of the kurgan 874 (1) and 875 (2–4):

1, 3 – jugs; 2 – graphic reconstruction of the pot; 4 – bottom of the jug. 1–4 – pottery

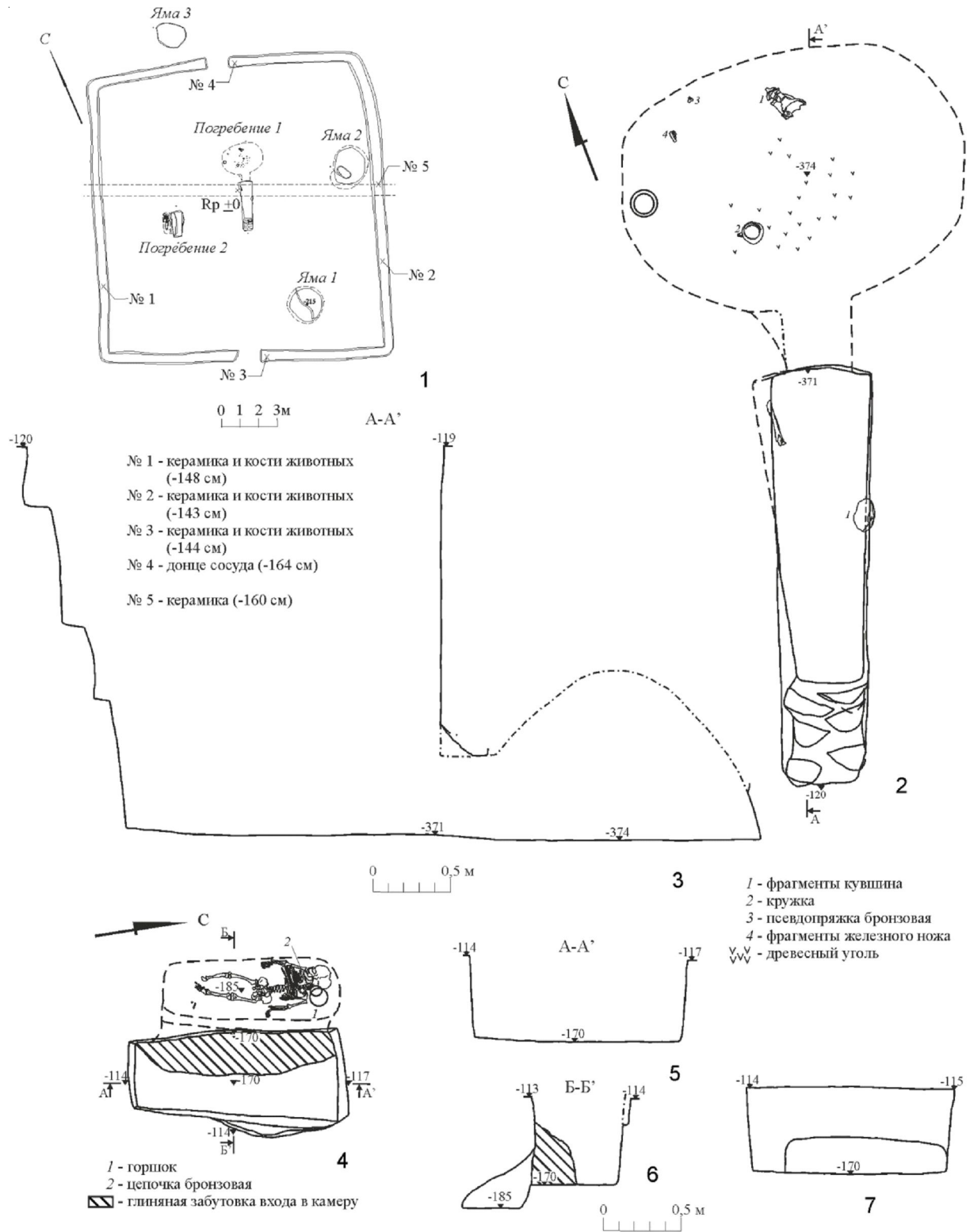

Рис. 6. Курган 876:

1 – общий план кургана; 2 – план погр. 1; 3 – разрез погр. 1; 4 – план погр. 2;
5, 6 – разрезы погр. 2; 7 – вид на переднюю стенку входной ямы со входом в камеру погр. 2

Fig. 6. Kurgan 876:

1 – general plan of the kurgan; 2 – plan of burial 1; 3 – section of burial 1; 4 – plan of burial 2;
5, 6 – sections of burial 2; 7 – view of the front wall of the access hole with the entrance to the chamber of burial 2

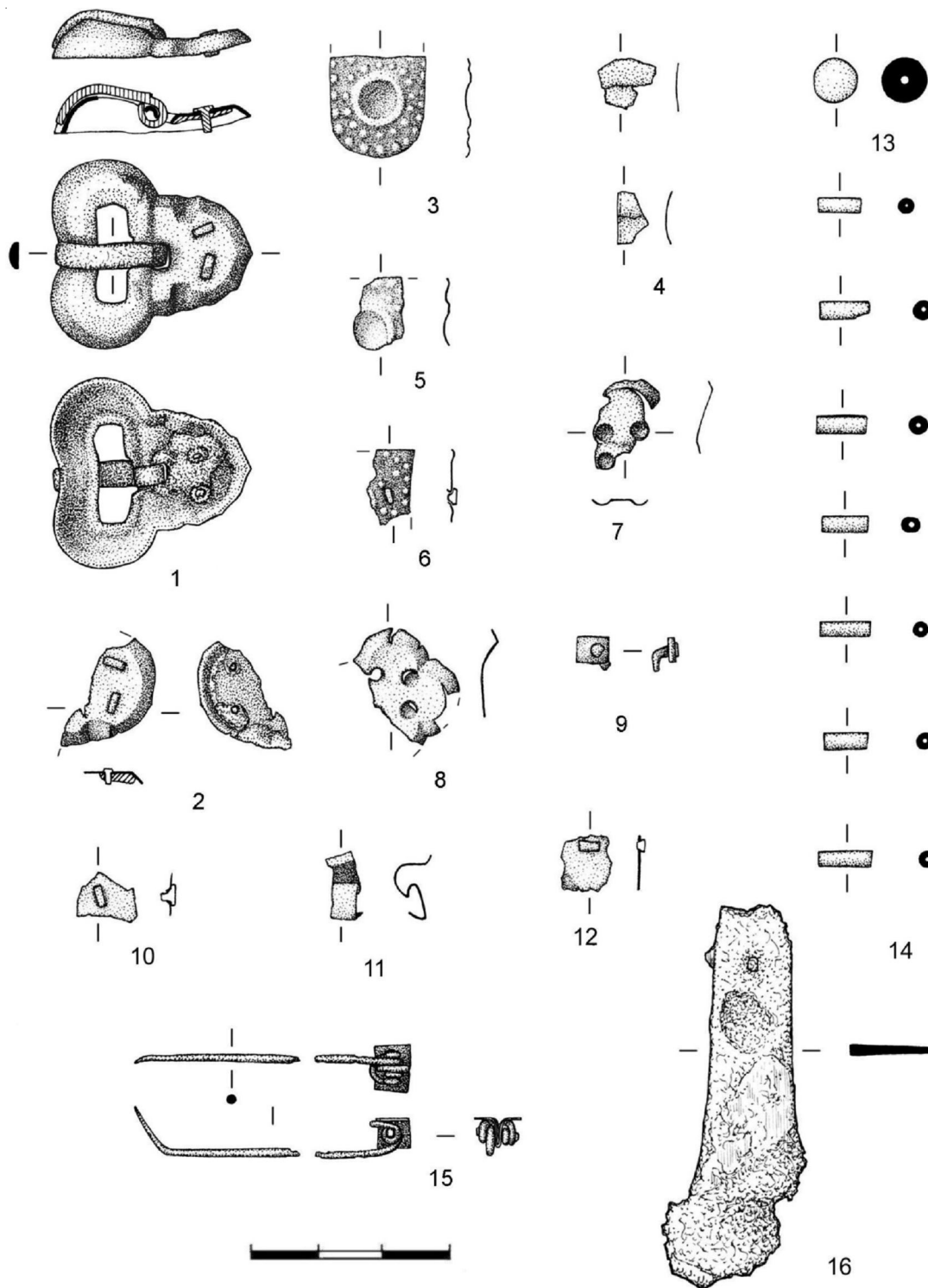

Рис. 7. Погребальный инвентарь погребения 1 кургана 876:

1 – пряжка; 2 – фрагмент щитка пряжки; 3 – накладка; 4 – фрагменты фольги; 5–12 – фрагменты накладок; 13, 14 – бусы; 15 – игла фибулы; 16 – фрагмент ножа. 1, 2 – бронза с позолотой; 3, 5, 6, 8 – серебро; 4 – золото; 7, 9, 10–12, 15 – бронза; 13 – сердолик; 14 – коралл; 16 – железо

Fig. 7. Funerary inventory of the burial No. 1 of the kurgan 876:

1 – buckle; 2 – fragment of the buckle plate; 3 – overlay; 4 – fragments of foil; 5–12 – fragments of overlays; 13, 14 – beads; 15 – needle of a fibula; 16 – fragment of a knife. 1, 2 – bronze with gilding; 3, 5, 6, 8 – silver; 4 – gold; 7, 9, 10–12, 15 – bronze; 13 – carnelian; 14 – coral; 16 – iron

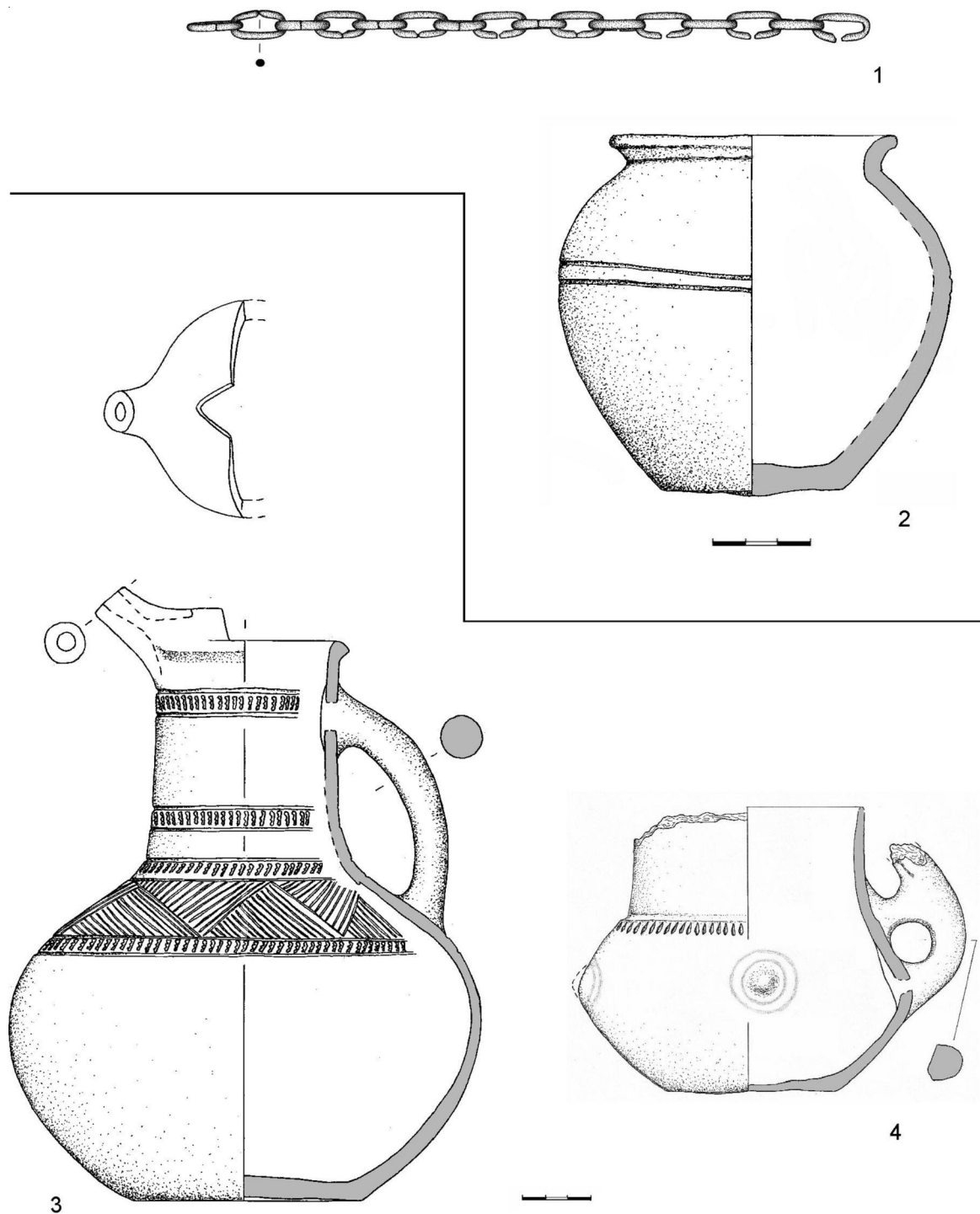

Рис. 8. Погребальный инвентарь кургана 876: погребение 2 (1, 2), погребение 1 (3, 4):

1 – цепочка; 2 – горшок; 3 – кувшин; 4 – кружка. 1 – бронза, 2–4 – керамика

Fig. 8. Funerary inventory of the kurgan 876: burial 2 (1, 2), burial 1 (3, 4):

1 – chain; 2 – pot; 3 – jug; 4 – mug. 1 – bronze, 2–4 – pottery

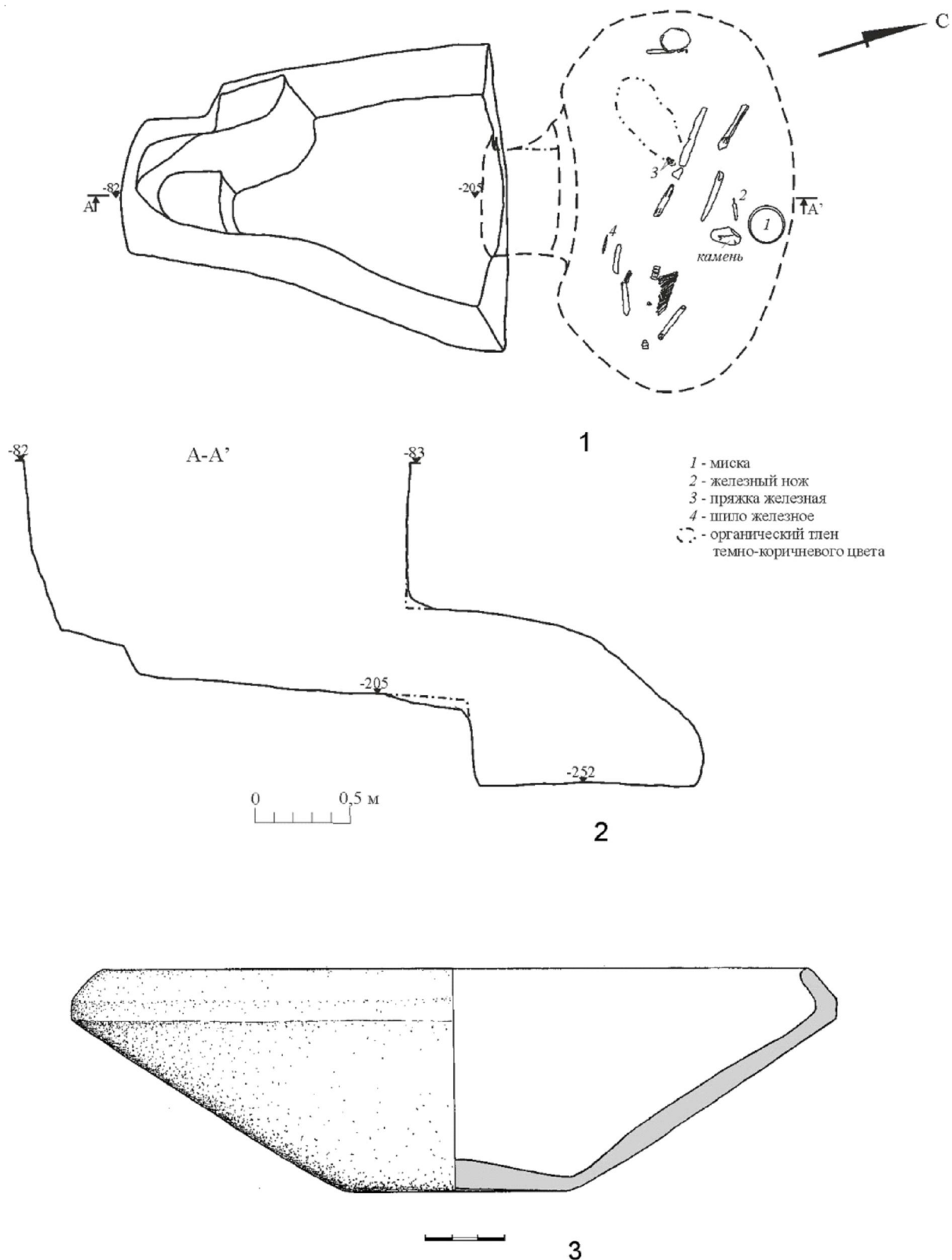

Рис. 10. Курган 878:

1 – план; 2 – разрез погребального сооружения;
3 – графическая реконструкция фрагмента миски из заполнения ровика

Fig. 10. Kurgan 878:

1 – plan; 2 – section of the burial structure; 3 – graphic reconstruction of the bowl fragment from the ditch

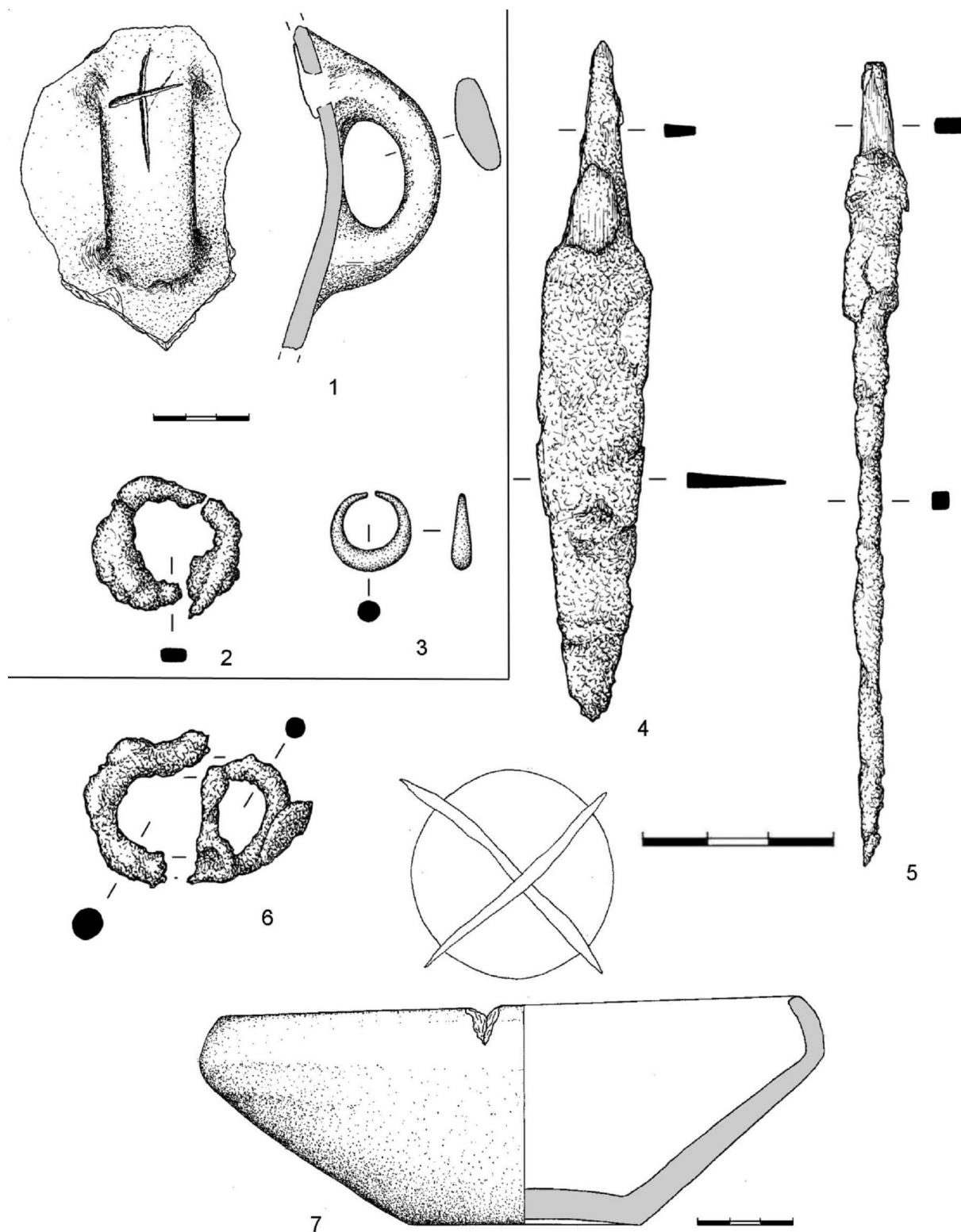

Рис. 11. Погребальный инвентарь курганов 877 (1-3) и 878 (4-7):

1 – фрагмент ручки двуручного кувшина; 2, 6 – фрагменты пряжек; 3 – серьга; 4 – нож; 5 – шило; 7 – миска.
1, 7 – керамика; 2, 4-6 – железо; 3 – бронза

Fig. 11. Funerary inventory of the kurgans 877 (1-3) and 878 (4-7):

1 – fragment of two-handed jug handle; 2, 6 – fragments of buckles; 3 – earring; 4 – knife; 5 – awl; 7 – bowl.
1, 7 – pottery; 2, 4-6 – iron; 3 – bronze

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Габуев Т. А., 2014. Аланские княжеские курганы V в. н. э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ : ИИА РСО-Алании; ГМИНВ. 68 с.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М. : Таус. 468 с.
- Гавритухин И. О., 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В. Ю. Керамика Мокрой Балки. М. : ИА РАН. С. 40–49.
- Гавритухин И. О., 2007. К вопросу о верхней дате городища Зилги // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М. : Памятники исторической мысли. С. 482–486.
- Гавритухин И. О., 2023. Комплекс металлических изделий эпохи Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 139–202.
- Джанаев Э. Г., 2011. Отчет об исследовании Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе Республики Северная Осетия – Алания в 2011 г. (в зоне строительства автомагистрали М-29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан) // Архив ИА РАН. Р-1. № 29675–29693.
- Дзудев Ф. С., Малашев В. Ю., 2015. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988–2014 гг.). Владикавказ : Проект-Пресс. 112 с.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 232. С. 120–135.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2020. Комплексное исследование раннеаланских захоронений IV в. н.э. в Северной Осетии // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 260. С. 441–458.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2021а. Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы обследования // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М. : ИА РАН. С. 151–171.
- Коробов Д. С., Четчикова О. Ю., Медникова М. Б., 2021б. Детское погребение VII века из раскопок Бесланского могильника в фокусе комплексного междисциплинарного исследования // Российская археология. № 4. С. 65–81.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону : Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2001. Керамика Мокрой Балки. М. : ИА РАН. 149 с.
- Малашев В. Ю., 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 117–142.
- Малашев В. Ю., 2011. Отчет об исследовании Бесланского могильника в Правобережном районе Республики Северная Осетия – Алания в 2011 г. (в зоне строительства автомагистрали М-29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан) // Архив ИА РАН. Р-1. № 30168–30170.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганых могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М. : ИА РАН. 208 с.
- Малашев В. Ю., 2018. Отчет об охранно-спасательных исследованиях могильника «Братские 1-е курганы» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный» в Надтеречном районе Чеченской Республики в 2018 г. (Открытые листы № 410, 411) // Архив ИА РАН. Р-1. № 64940–64949.
- Малашев В. Ю., 2019. Отчет об охранно-спасательных исследованиях курганных могильников «Октябрьский I» и «Киевский I» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный» в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания в 2019 г. (Открытые листы № 2739, 2740) // Архив ИА РАН. Р-1. № 69231–69240.
- Малашев В. Ю., Албегова З. Х.-М., Меньшикова В. А., Габуев Т. А., Фризен (Куринских) О. И., Фризен С. Ю., 2015. Исследования участка Бесланского могильника в Республике Северная Осетия – Алания // Археологические открытия 2010–2013 гг. М. : ИА РАН. С. 387–389.

- Малашев В. Ю., Дзуцев Ф. С., 2016. Парадные сбрыйные наборы III в. н.э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН. С. 164–206.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кривошеев М. В., 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14, № 4. С. 195–206.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кадзаева З. П., 2020. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16, № 2. С. 439–460.
- Малашев В. Ю., Торгоев А. И., 2018. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Российская археология. № 4. С. 36–52.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 172–212.
- Смирнов К. Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. № 1. С. 73–81.
- Хохлова О. С., Хохлов А. А., Гольева А. А., 2009. Приложение 1. Палеопочвенно и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в Республике Северная Осетия – Алания // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. С. 309–323.
- Чшиев В. Т., 2021. Зилгинское раннеаланское городище: древний мегаполис на трассе Великого Шелкового пути // Вестник Владикавказского научного центра. Вып. 1. С. 12–18.
- Arzhtantseva I. A., Deopik D. V., Malashev V. Yu., 2000. Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden; Boston; Köln: Brill. P. 211–250.
- Korobov D. S., Malashev V. Yu., Fassbinder J. W. E., 2021. Geophysical and Archaeological Survey of the Hillfort of Zilgi and the Barrow Cemetery of Beslan (North Ossetia) // Theory and Practice of Archaeological Research. Vol. 33 (3). P. 162–180.
- რამიშვილი რ. [Рамишвили Р. М.], 1983. ახალი ქიზვალის სამაროვანი და ნამოსახლარი 1971–1973 წწ. [Могильник и поселение в Ахали-Жинвали по раскопкам 1971–1973 гг.] // ქიზვალი არქეოლოგიური კვლევა–ძიება არაგვის ხეობაში [Жинвали. Археологические изыскания в Арагвском ущелье]. Тбилиси: Мецниереба. С. 81–130. (На грузин. яз.)

REFERENCES

- Gabuev T.A., 2014. *Alanskie knyazheskie kurgany V v. n. e. u sela Brut v Severnoy Osetii* [Alanian Princely Burial Mounds of the 5th Century AD near Brut Village in North Ossetia]. Vladikavkaz, IC of RNO-Alania, Oriental Museum. 68 p.
- Gabuev T.A., Malashev V.Yu., 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Early Alan Monuments of the Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, TAUS Publ. 468 p.
- Gavritukhin I.O., 2001. Periodizatsiya rannesrednevekovykh drevnostey Kislovodskoy kotloviny na osnove keramiki v svete izucheniya izdeliy iz metalla [Periodization of the Early Medieval Antiquities of the Kislovodsk Basin based on Ceramics in the Light of the Study of Metalware]. Malashev V.Yu. *Keramika Mokroy Balki* [The Ceramics of the Mokraya Balka]. Moscow, IA RAS, pp. 40–49.
- Gavritukhin I.O., 2007. K voprosu o verkhney date gorodishcha Zilgi [To the Question About the Upper Date of the Zilgi Fortress]. *Tri chetverti veka. D. V. Deopiku – druz'ya i ucheniki* [Three Quarters of a Century. Friends and Disciples to D. V. Deopik]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., pp. 482–486.
- Gavritukhin I.O., 2023. Kompleks metallicheskiykh izdeliy epokhi Tyurkskogo kaganata iz Beslanskogo mogil'nika (Severnaya Osetiya) [The Complex of Metal Objects from the First Turkic Khaganate Period from the Beslan Burial Ground (North Ossetia)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 139–202.

- Dzhanaev E.G., 2011. Otchet ob issledovanii Beslanskogo kurgannogo katakombnogo mogil'nika v Pravoberezhnom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2011 g. (v zone stroitel'stva avtomagistrali M-29 «Kavkaz» na uchastke obkhoda g. Beslan) [Report on Study of Beslan Kurgan Burial Mound in the Right Bank District of the Republic of North Ossetia-Alania in 2011 (in the Zone of Construction of the Highway M-29 “Kavkaz” on the Section Around Beslan)]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 29675–29693.
- Dzutsev F.S., Malashev V.Yu. 2015. *Beslanskiy arkhologicheskiy kompleks rannealanskoj epokhi (nekotorye itogi issledovaniy 1988–2014 gg.)* [Beslan Archaeological Complex of the Early Alanian Epoch (Some Results of Research 1988–2014)]. Vladikavkaz, Proect-Press Publ. 112 p.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Faßbinder J., 2014. Predvaritel'nye rezul'taty raskopok na kurgannom mogil'nike Levopodkumskiy 1 bliz Kislovodsk [Preliminary Results from Excavations of the Levopodkumsky Kurgan Cemetery near Kislovodsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS], iss. 232, pp. 120-135.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Faßbinder J., 2020. Kompleksnoe issledovanie rannealanskih zakhoroneny IV v. n.e. v Severnoy Osetii [The Comprehensive Study of the Early Alan Burials of the Fourth Century in North Ossetia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS], iss. 260, pp. 441-458.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Faßbinder J., 2021a. Raboty na Zil'ginskom gorodishche i Beslanskom mogil'nike: novye metody obsledovaniya [Investigation of the Zilginskoye Hillfort and the Beslan Burial Ground: New Survey Methods]. *Epokha vsadnikov na Severnom Kavkaze: k 90-letiyu Very Borisovny Kovalevskoy* [The Age of the Horsemen in the North Caucasus: To the 90th Anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaya]. Moscow, IA RAS, pp. 151-171.
- Korobov D.S., Chechetkina O.Yu., Mednikova M.B., 2021b. Detskoe pogrebenie VII veka iz raskopok Beslanskogo mogil'nika v fokuse kompleksnogo mezhdistsiplinarnogo issledovaniya [A 7th Century Child's Burial from Beslan Burial Ground in the Focus of Complex Interdisciplinary Research]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 65-81.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of the Late Sarmatian Belted Garlands]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their Neighbours on the Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., 2001. *Keramika Mokroy Balki* [Ceramics of the Mokraya Balka]. Moscow, IA RAS. 149 p.
- Malashev V.Yu., 2010. Tsentral'nye rajony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoe vremya [The Central Regions of the North Caucasus in the Late Sarmatian Time]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kul'tury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym). Materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov* [Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (According to Archaeological and Natural Science Data). Proceedings of Seminar Held by Center for Sarmatian History and Culture Studies], iss. III. Volgograd, VolSU, pp. 117-142.
- Malashev V.Yu., 2011. Otchet ob issledovanii Beslanskogo mogil'nika v Pravoberezhnom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2011 g. (v zone stroitel'stva avtomagistrali M-29 «Kavkaz» na uchastke obkhoda g. Beslan) [Report on Study of Beslan Burial Ground in the Right Bank District of the Republic of North Ossetia – Alania in 2011 (in the Zone of Construction of Highway M-29 “Kavkaz” on the Section Around Beslan)]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 30168–30170.
- Malashev V.Yu., 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [The Monuments of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and Their Traditions in the Kurgan Burial Sites of the North-Eastern Caucasus in the Second Half of the 2nd – Mid. 5th Centuries AD]. Moscow, IA RAS. 208 p.
- Malashev V.Yu., 2018. Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh mogil'nika «Bratskie 1-e kurgany» v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda «Mozdok – Groznyy» v Nadterechnom rayone Chechenskoy Respubliki v 2018 g. (Otkrytye listy № 410, 411) [Report on the Protection and Rescue Survey of the Bratsk 1st Kurgan Burial Ground in the Construction Zone of the Mozdok – Grozny Gas Pipeline in the Nadterechny District of the Chechen Republic in 2018 (Licenses no. 410, 411)]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 64940–64949.
- Malashev V.Yu., 2019. Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh kurgannykh mogil'nikov «Oktyabr'skiy I» i «Kievskiy I» v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda «Mozdok – Groznyy» v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2019 g. (Otkrytye listy № 2739, 2740) [Report on the Protection and Rescue Research of the Burial Mounds “Oktyabrsky I” and “Kievsky I” in the Construction Zone of the

- Main Gas Pipeline Mozdok – Grozny in the Mozdok District of the Republic of North Ossetia – Alania in 2019 (Licenses no. 2739, 2740)]. *Arkhiv IA RAN*, P–1, no. 69231–69240.
- Malashev V.Yu., Albegova Z.Kh.-M., Menshikova V.A., Gabuev T.A., Frizen (Kurinskikh) O.I., Frizen S. Yu., 2015. Issledovaniya uchastka Beslanskogo mogil'nika v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya [Investigations of the Beslan Burial Site in the Republic of North Ossetia – Alania]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 gg.* [Archaeological Discoveries of 2010–2013]. Moscow, IA RAS, pp. 387–389.
- Malashev V.Yu., Dzutsev F.S., 2016. Paradnye sbruynnye nabory III v. n.e. iz Beslanskogo mogil'nika i problema slozheniya alanskoj kul'tury Severnogo Kavkaza [Parade Harnesses from the 3rd Century AD from the Beslan Burial Ground and the Problem of the Formation of the Alanian Culture in the North Caucasus]. Malashev V.Yu. *Pamyatniki srednesarmatskoj kul'tury severokavkazskikh stepej i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [The Monuments of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and Their Traditions in the Kurgan Burial Sites of the North-Eastern Caucasus in the Second Half of the 2nd – Mid. 5th Centuries AD]. Moscow, IA RAS, pp. 164–206.
- Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Krivosheev M.V., 2018. Okhranno-spasatel'nye issledovaniya mogil'nika «Bratskie 1-e kurgany» na territorii Chechenskoj Respubliki v 2018 g. [Rescue Studies of the Bratskie 1st Kurgan Burial Ground on the Territory of the Chechen Republic in 2018]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus], vol. 14, no. 4, pp. 195–206.
- Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Kadzaeva Z.P., 2020. Okhranno-spasatel'nye issledovaniya mogil'nikov rannego etapa alanskoj kul'tury na Srednem Tereke Oktyabr'skij I i Kievskij I v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2019 g. [Rescue Research of the Burial Grounds of the Early Stage of Alanian Culture on the Middle Terek, Oktyabr'sky I and Kievskij I in Mozdok District of the Republic of North Ossetia-Alania in 2019]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus], vol. 16, no. 2, pp. 439–460.
- Malashev V.Yu., Torgoev A.I., 2018. T-obraznye katakomby sarmatskogo vremeni Severnogo Kavkaza i Sredney Azii [T-shaped Catacombs of the Sarmatian Period in the Northern Caucasus and Central Asia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 36–52.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebal'nykh sooruzhenij [Chronology and Typology of Sarmatian Catacomb Funerary Structures]. *Nauchnye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleza i srednevekov'ya* [Scientific Schools of Volgograd State University. Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 172–212.
- Smirnov K.F., 1972. Sarmatskie katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya, Povolzh'ya i ikh otnoshenie k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian Catacomb Burials of the Southern Urals, Volga Region and Their Relation to the North Caucasus Catacombs]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 73–81.
- Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., Gol'eva A.A., 2009. Prilozhenie 1. Paleopochvennoe i mikrobiomorfnoe izuchenie kurgannogo mogil'nika Brut 2 v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya [Appendix 1. Paleosoil and Microbiomorphic Study of the Kurgan Cemetery Brut 2 in the Republic of North Ossetia – Alania]. Gabuev T.A., Malashev V.Yu. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Early Alan Monuments of the Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, TAUS Publ., pp. 309–323.
- Chshiev V.T., 2021. Zilginskoe rannealanskoe gorodishche: drevnij megapolis na trasse Velikogo Shelkovogo puti [Zilginskoye Early Alanian Settlement: Ancient Megapolis on the Great Silk Road Route]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of Vladikavkaz Science Centre], vol. 1, pp. 12–18.
- Arzhantseva I.A., Deopik D.V., Malashev V.Yu., 2000. Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country. *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age*, Leiden, Boston, Köln, Brill, pp. 211–250.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Fassbinder J.W.E., 2021. Geophysical and Archaeological Survey of the Hillfort of Zilgi and the Barrow Cemetery of Beslan (North Ossetia). *Theory and Practice of Archaeological Research*, vol. 33 (3), pp. 162–180.
- Ramishvili R.M., 1983. Akhali Zhinvalis samarovani da namosakhleri 1971–1973 ts'ts' [Graveyard and Settlement in Akhali Zhinvali Based on 1971–1973 Excavations]. *Zhinvali arkeologiuri k'vleva–dzieba Aragvis kheobashi* [Zhinvali. Archaeological Excavations in Aragvi Gorge]. Tbilisi, Metsniereba Publ., pp. 81–130. (In Georgian).

Information About the Authors

Dmitry S. Korobov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theory and Methodology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, dkorobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9571-0405>

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Scythian and Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Информация об авторах

Дмитрий Сергеевич Коробов, доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий отделом теории и методики, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, dkorobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9571-0405>

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>